

Мария Леонтьева

Поэт, археолог. Публиковалась в журналах: «Звезда», «Урал», «Москва», «Дети Ра», «Литературные знакомства», «Алтай», «Образ», «Причал» и др. Участница Форума молодых писателей «Липки» (2021–2022). Автор книги стихотворений «Свѣли». Живет в Санкт-Петербурге.

Как память, я бережно небо держу

* * *

Вот светофор показывает черный,
Понять его получится едва.
Застыли пешеходы обреченно,
На переносе замерли слова.
Куда идти, когда везде — едино,
Не поддается расшифровке цвет,
А тем, кто замер прямо в середине,
Дороги никакой пока что нет.
Куда приводит черный цвет бездонный,
В земной покой иль к бездне неземной?
Стоишь на переходе, как бездомный,
Небесной прикрываясь наготой.

* * *

Горчит вода, горчит на языке
Трава, автобус медленно качает.
Проносится село, и каланча
Его стоит, как памятник реке.

Внутри кирпичной церкви — тишина,
Кипрей пророс на подступах к амвону.
Выносят лето, крестят, как икону,
Черта полей всплывает из-под сна.

И озеро расстелено, лежит
Среди полей пронзительных и кратких.
Ползет у горизонта пыльный трактор.
Недолговечная, чарующая жизнь.

Слет в Болдино

Нам говорить сподручнее о разном
На кладбище, застывшем на холме,
В молчании божественном и праздном,
В моем-твоем недолговечном сне.

Когда, взойдя на холм, посмотришь сверху
На лагерь заплатки и штрихи,
Воспринимаешь слово, как помеху,
Незначимыми кажутся стихи.

Написанные в рифму или светом
Струящиеся из-под век во тьму.

Сюда приехать — только чтобы сетовать
На жизнь свою, неясно, почему.

* * *

След от ложки растекается звездой
Или кляксой, сразу не понятно.
До урока — пять минут с тобою,
И с бедою, злой и аккуратной.

Правильной, как ни верти — бедою,
Классики не раз ее касались
Говорящей мудрою листвою,
Буквой «ю», похожей на физалис.

В небе — аппликация из дыма.
Тень звезды — она была в начале.
В коридорах школы нелюдимо,
Словно все внезапно замолчали.

И звенит, подвешена на слово,
Тишина слоеная, как тесто.
Глянь в окно — по солнцу полвторого,
А внутри... и не находишь места.

* * *

Спящего в троллейбусе — обнимут.
Солнце подбородок тронет сонно,
Уходя и стекленея в зиму,
Чьи снежинки в окнах из картона.

А лицо обожжено слезами:
Красные глаза и светофоры.
Как на остановке залезали —
Звякали серебряные шпоры.

Пух, пушинки — в нос из капюшона,
Ветры и ветра поют снаружи.
Спящего троллейбус полусонно
Покачает, сам не обнаружен.

Призраком подъедет к остановке,
Трогая рогами лед и пламя —
Облачные зимние обновки,
Вечные тропинки между нами.

* * *

Как память, я бережно небо держу,
В нем люди смеются, кружась на катке.
Снаружи бушует сиреневый шум.
Не город под нами — макет.
Не люди — игрушки у окон стоят,
Не-жизнь освещает искусственный свет.
Привычный казалось бы видеоряд,
Вполне заурядный портрет.
Среди череды лиц на льду голубом
Узнаю себя и тебя узнаю.

На кнопку нажму, на макете кругом
Погаснут огни, воцарится уют,
В домах из картона наступит покой...
— А ты почему не заснешь никак, ну?
— Я знаю: однажды тот, кто надо мной,
На кнопку нажмет, и я тоже усну.

* * *

Сквозь судороги злой метели
Свет бил в затылок, и скрипел
Рождественский — ну в самом деле —
Снег походил на школьный мел.

Светало, свет старинной лампы
В далеком роковом окне
Оказывается, — кто знал бы —
Обычным светом был вполне.

Настойчиво сиял, оттуда
Протягивал свои лучи,
Предательски — такой Иуда,
Меня в объятья заключил,

И, размозжив о вечность эту,
Не выключался ни на миг,
Подмигивая мне и снегу.
А был по сути лишь ночник.

Расстрельный огонек надежды,
Горел, пока волхвы брели.
И что-то жаркое, как прежде,
Вытаивало изнутри.

